

Роман Пустослов

Письма Анне

<https://litres.ru/74639254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый переводчик доживает свой век в женевском пансионе и каждый день садится писать письмо женщине, которая когда-то жила в соседней квартире — в Петербурге, которого больше нет. Он помнит её голос, её походку, германский акцент, узор на её платье; он рассказывает ей о трамваях, о липах на набережной, о том, как пахло в их доме перед войной. Письма уходят в пустоту — и становятся всё точнее, всё нежнее. Тихий рассказ о том, как человек строит из памяти единственную комнату, в которой ещё можно жить.

Роман Пустослов

Письма Анне

Письма Анне Карловне, которую я выдумал

Роман Пустослов · «Бюро латеральной экстраполяции» (БЛЭ)

Из памяти можно выстроить одну тёплую комнату — и прожить в ней дольше, чем в доме, который стоял на самом деле.

— Роман Пустослов

Письмо 1

Многоуважаемая Анна Карловна!

Простите старику его дерзость. Вот уже некоторое утро я открываю окно на озеро — оно сегодня цвета олова с зеленью, у дальнего берега чайки складками, как смятая скатерть, — и думаю: отчего бы не написать Вам? Мы прожили стену в стену целую жизнь — Вы там, на третьем этаже того дома, что снился мне всякую ночь изгнания, я этажом ниже, со своими словарями и своей робостью, — и за полвека я не сказал Вам и трёх слов. Позвольте же мне сказать их теперь, на бумаге, где руки не дрожат так заметно и где старость можно спрятать за хорошим почерком.

Я живу в пансионе над самой водой. По утрам приходит госпожа Брюн с кофе, который пахнет жжёной пробкой, и говорит о погоде так, будто погода — её личная заслуга или ви-

на. Перевод мой почти иссяк: издатель в Мюнхене, последний из верных, прислал письмо, что серия закрывается, что нынешний читатель не любит длинных фраз. Я улыбнулся этому. Я всю жизнь служил длинной фразе, как иные служат деревне или полку, и теперь меня отпускают на покой, словно лошадь, которая стёрла зубы.

И вот у меня остаётся время. Опасный подарок для человека, который умеет с ним делать только одно — вспоминать.

Я помню Вас молодой. Мы были, должно быть, ровесники — Вы шли по лестнице с прямой спиной, в платье с тем узором: мелкие веточки, не то вереск, не то что-то северное, я и теперь закрою глаза и нарисую Вам этот узор веточка к веточке. А вот фамилии Вашей не помню. Странно, не правда ли? Узор платья помню, а фамилию — нет; видно, память моя похожа на старого слугу, который бережёт хозяйкины ленты, а имя гостя перепутает.

Вы однажды сказали мне слово. Одно немецкое слово. Я не знал тогда немецкого — ему я выучился потом, нарочно, как мстят или как молятся, — и потому слово осталось во мне не значением, а звуком: две долгих ноты и одна короткая, тёплое «р» в середине, будто кто-то провёл ладонью по гортани изнутри. Я после перебрал все словари. Я знаю теперь, что оно могло значить. Но я не хочу знать, что оно значило тогда, в Вашем рту. Пусть будет музыкой. Музыку нельзя отнять, а значение можно опровергнуть.

Здесь, в пансионе, поговаривают, что дом продают. Буд-

то бы приедет некто из Цюриха, и нас, последних жильцов, рассуют по комнатам поменьше. Меня это не пугает — что мне комнаты, — а только велено разбирать вещи. Я разбираю. Вчера мне попалась книга, в которой лежит Ваш цветок. Помните? Вы дали мне его. Маленький, бледный, теперь почти прозрачный, как крылышко. Я не стану писать о нём много сегодня — рука уже устала, да и сердце бережёшь, как сахар к концу месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.